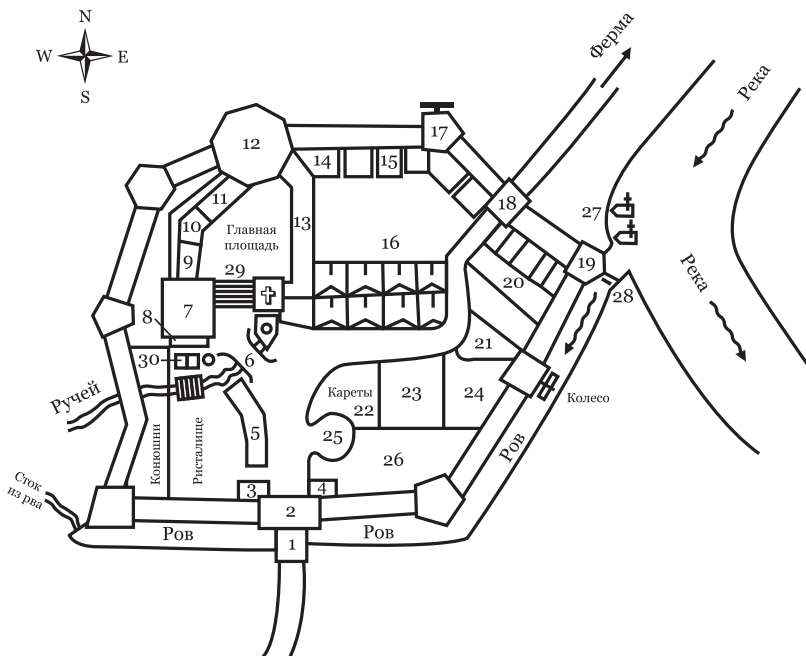

План имения «ШЕРВУД»

1. Подъёмный мост
2. Въездная башня
- 3, 4. Кордегардии
5. Фуражные
6. Мостик
7. Каминный зал
8. Печная комната
- 9, 10, 11. Апартаменты
12. Восьмиугольная башня
13. Галерея
14. Дом Дэйла
15. Коровник
16. Жилые домики
17. Башня с мельницей

18. Выездная башня
19. Башня со створом
20. Лабиринт
21. Гончарный цех
22. Каретный цейхгауз
23. Столярка
24. Лесопильня
25. Кузня
26. Большой цейхгауз
27. Пристань
28. Створ
29. Лестница
30. Баня с бассейном

*Жизнь моя неизбежно истает,
И тогда полечу, не спеша,
И увижу вдруг, как прорастает
В мир небесный земная душа.*

*Сколько в небе ночном ярких точек!
Сколько мрака и света в судьбе!
Охрани, Боже, мой огонёчек.
Он с Земли тихо светит Тебе.*

ПРОЛОГ

Милишка проснулась задолго до нежеланного рассвета. Каждый новый рассвет безжалостно приближал её шестнадцатый день рождения, и он, этот день, готовил беду.

Девушка отвернула с себя заменявший ей одеяло пыльный пласт войлока, тихо села на толстой и грубой доске самодельного одра. Страшная тайна прикоснулась к ней, сделав вчерашний день чёрным. Она в тот ужасный час предавалась сладкому тайному занятию: играла в куклы. Казалось бы, какой хороший был день! У колодца не было очереди, и она быстро набрала два бочонка воды. Быстро привезла тележку с этими бочонками в нижний этаж дома своей тётки, — единственной родственницы и, после смерти родителей — опекунши по завещанию. Старательно и проворно прополоскала отстиранное ещё утром бельё, побросала его в корзину, отнесла на чердак, развесила на потемневших от времени верёвках и получила этот сладкий час. Тётка разносила отстиранное и отглаженное бельё в дома заказчиков и вернуться должна была только к обеду. Вытянув из-под кровати свой милый, привычный, с детства оставшийся сундучок, Милишка подняла крышку и достала с любовью и тщанием сшитые ещё мамочкой тряпичные куклы. Сине-белый, в коротком плащике, принц-рыцарь, мечом которому, а точнее сказать — шпагой служила большая парусная игла с обломанным ушком. Розово-белая девушка с волосами из жёлтой скатертной бахромы. Красный кот с разными ушами. И коричневый, плотный, с серой шляпой, разбойник. Впрочем,

в зависимости от случая, разбойник превращался иногда то в рыбака, то в мельника, то в лесоруба. Неизменными оставались лишь хорошо вооружённый принц и незнакомая ему, а потому загадочная для него девушка, живущая за рекой, — добрая, тихая.

Втащив сундучок под большой круглый стол и поставив его на бок, Милишка быстро соорудила из него дом с настоящей дверью, в котором жила девушка, и реку из синего куска ткани, на другом берегу которой находились рыцарь-принц и коричневый крепыш, не решивший пока, кто он сегодня такой.

Юная прачка не знала ещё, что шаги, послышавшиеся за дверью, и приглушённые, невнятно бормочущие голоса навсегда отрежут её от тайных милых незатейливых приключений.

Здесь, под столом, было волнующе-загадочное пространство, которое создавала большая свисающая вкруг скатерть. И вот, заслышав шаги и испугавшись обнаружения своей тайны, девушка быстро сдёрнула вниз завёрнутый на столешницу край скатерти — и превратила сладкую загадочность в спасительную укромность.

— И-и-и не понимаю, — раздался недовольный голос тётки.

Клацнула пружинная ручка двери. Каблуки башмаков, гулко стукнувшие на пороге, покатались уже приглушённо: пришедшие ступили на вязаную дорожку.

Тяжёлые шаги грузной тётки остановились у стула. Передние ножки его дёрнулись и исчезли из-под стола. А кто-то второй прошёл к дивану и медленно сел.

— Не понимаю, какая мне может грозить беда, — снова подала голос тётка.

— Ужасная, — послышался немолодой надтреснутый голос, который всех, кто сидел, затаив дыхание, под столом, сразу же напугал. — Неотвратимая и быстрая, если только не принять меры.

— Господин, не знаю, как вас там! Не говорите загадками!

— Охотно перейду к ясности, — сказал гость и скрипнул пружиной дивана. — Я совершенно случайно узнал, что вы купили доходный домик, двухэтажный, с прачечной на первом этаже, почти в центре Бристоля.

— Да, купила. Открыто и честно, с торгов!

— А-хха... Но сумму вы внесли не всю. Недостающие тридцать пять фунтов принесли только на следующий день.

— И что же?! Ну не хватило наличных с собой, это бывает!

— Но меня привлекла та сумма, которую вы внесли сразу. И фамилия как будто ваша была мне знакома... Я взялся расспрашивать — и вот чудо! Вспомнил!

— Да что такое можно обо мне расспросить?! Я порядочная прачка, об этом две улицы знают!

— О не-ет. Прачка-то, оказывается, не вы. А племянница ваша приёмная, Милиния. Всю работу за вас делает, с утра до вечера не разгибая спины. И не знает милая девушка, что сама-то она благородной крови, а также очень богата.

В комнате повисла гнетущая тишина.

— Хорошо, что не возражаете. Потому что бессмысленно спорить. Сумма, которую вы заплатили за дом с прачечной — точно та, которую вы должны отдать племяннице по достижении ею шестнадцати лет. Че-рез-три-дня! Согласно надёжному и безупречно составленному завещанию.

— Да откуда вам это знать? — не выдержала и подала голос тётка. — Не было никакого завещания!

— О конечно, конечно. Поручитель, хранивший второй экземпляр, отправился в какое-то предприятие на корабле, обломки которого нашли после шторма. С ним исчез и лист, извещающий Милинию, что она является

наследницей родительского капитала. Прошло несколько лет, вы ждали. И вот подвернулся такой крепкий, такой каменный, такой доходный домик с устроенным в нём так хорошо вам знакомым прачечным делом. Ну как не купить?! Сытая и роскошная жизнь на весь остаток отведённых вам лет! А вместо богатой племянницы — бесплатная работница. Послушная, кроткая. Большая редкость — не правда ли — такой добрый характер. И личико пре-пре-лестное, я специально смотрел. Но вот беда. Беда! Именно та, с упоминания о которой я и начал наш разговор. Один экземпляр завещания сохранился!

Снова повисла напряжённая тишина.

— Откуда известно? — угрюмо спросила тётка.

— А я — нотариус! Да-да-да-да. Тот самый, который добротнo и безупречно запечатлел последнюю волю её умирающего отца. Тот самый, одно слово которого приведёт вас к аресту, нищете и позору.

— Вы... Хотите за своё молчание... Получить от меня этот домик?

— О не-ет! Домик останется вам. Владейте! Но я за уничтожение такого опасного для вас документа хочу получить от вас... девушку.

— К-ка-ак?!

— Очень просто. Хочу жениться.

— Не совсем, не совсем понимаю...

— Что не понять-то в таком до смешного простом деле!

Через три дня Милинии исполняется шестнадцать лет. Я на законном основании отведу её к священнику и он совершит положенный акт. И — я, почти старик, и откровенно нехороший собой, получу в безраздельное владение юную красавицу, благородную, кроткую. А вы получите дом с прачечной и уже упомянутую мной сытость.

— Так-так-так... Дело, действительно, нехитрое, и согласиться на него можно. Но как убедить Милинию сказать

при священнике, что она идёт замуж за вас, почти старика, по доброй воле?

— Это уж совсем просто. Сегодня вы отправите её ко мне на службу. Скажем, кухаркой. После первой же ночи, проведённой в моём доме, ей придётся за меня выйти.

Тётка помолчала, тяжело дыша. Встала со стула. Грубо сказала:

— Согласна! Но немедленно, как только она войдёт в ваш дом, я должна получить первый экземпляр завещания.

— Вы хотите учить старого нотариуса, как делаются дела?! Я вам отдам бумагу, а вы через полчаса приведёте констебля и заберёте девушку? Нет, уважаемая. Документ вы получите только в день бракосочетания. Вечером, скажем, часов в семь.

— Что ж. Согласна. Идёмте, покажете, куда я должна привести Милишку.

Они вышли. Снова клацнула пружинная ручка. Милиния отпустила закушенную губу. Вытерла слёзы. Всмотрелась в расплывающуюся фигурку рыцаря-принца. О, если бы на земле было возможно чудо, и любимая кукла могла защитить! О, если бы мог защитить тот, кто жил наверху, в чердачной каморке! Но тот, в каморке, был настолько ей мил и дорог, что она ни за что не смогла бы открыть ему свою беду и искать помощи у него — восторженного волшебного мастера. Слабого, голодного, изломанного нуждой. Нет, рассчитывать можно было лишь на себя.

И уже в первую ночь в чужом доме Милиния сражалась за себя в полном одиночестве, и, в отличие от принца, у неё не было даже иглы. Лихорадочно вцепившись в дверную ручку, она стояла, до боли сжав пальцы, и не позволяла открыть дверь. Хилый нотариус, по-стариковски, с одышкой хрипя, толкал и толкал потемневшие от времени доски, а Милиния, чувствуя его налегания на

дверь, от омерзения билась в колком ознобе, как будто прикасались непосредственно к ней.

К следующей ночи, когда в доме уснули слуги и владелец его вновь подступил к вожделенной двери, она добыла вполне действенный инструмент: одну доску из спального одра, которую вставила между ручкой и плинтусом противоположной стены.

Толстый войлок, которым она укрывалась, дарил уютное и достаточное тепло. Но не спалось ей в этом уюте. И просыпалась она задолго до нежеланного рассвета. И шептала, прилипая к подушке мокрой от слёз щекой:

— Спасите меня! Кто-нибудь, ну хоть кто-нибудь, спасите меня!

О, он был в её судьбе — лучик помощи, и заключался в далёкой, очень далёкой жизни неведомого ей замка «Шервуд», в одном его маленьком жителе — и в одиноком музыканте, беспомощном, бедном. И встретиться и соединиться, чтобы донести до неё этот лучик, если учитывать многообразие непредсказуемостей человеческого муравейника, именуемого «город», эти двое вряд ли могли. Но лучший способ насмешить судьбу — это попытаться угадать её намерения.

Глава I

ДВЕРИ ЛЮБЕКА

Я сердечно попрощался с Дамиром. Громила в куртке с рукавами из медвежьей шкуры так же обнял его, кивнул головой, обвязанной цветным пиратским платком, влез на кучерское место первой кареты и отвязал вожжи.

Свежие кони легко катили пять тяжёлых экипажей. Позади осталась кузница при въезде в Бристоль, впереди ждал пробуждённый к жизни замок имения «Шервуд». Когда до него осталось не больше четверти часа пути, я попросил Бэнсона остановить карету, вышел, отвязал привязанную к запяткам лошадь и помчался верхом предупредить находящихся в замке о приезде большой компании спасённых из плимутского рабства детей.

ЗНАКОМСТВО

Миновав мост с новенькими белеющими в пред-
рассветном сумраке перилами, я подъехал
к дверям-воротам «каминного» зала. Привязал
лошадь, вошёл внутрь. Навстречу мне поднялись сидев-
шие у жарко пылающего камина Робертсон, Носатый
и Готлиб Глаз.

— Не спите? — я поднял в знак приветствия руку. —
Что-то случилось?

— Ничего заметного, мистер Том, всё в порядке! — ра-
достно ответил Готлиб. — Не спим оттого, что совсем

недавно вернулись! Сделали с Робертсоном ночной рейд по окрестностям замка, на случай обнаружения ночных костров тех, кто не знает ещё, что в замке объявился хозяин.

Я благодарно кивнул. Потом, в огненно-пляшущем полумраке залы, попытался рассмотреть неясно темнеющую грудку вещей, сваленных у противоположной стены.

— Там тюки с паклей, — обернулся к этой стене Готлиб, — два воза в порту было выставлено на продажу, мягкие шерстяные обрезки, очень удобная набивка для матрасов, так что забрали всю. Комплект рваных парусов, Робертсон купил за гроши — вместо простыней хотим на тюфяках расстелить, очень приятно пахнут морем. Ещё овса десяток мешков — чтоб у лошадей запас имелся, ну и для себя — пяток корзин снеди.

— Часа нет ещё, мистер Том, как из рейда вернулись, — шагнул вперёд Робертсон, — вот присели вина немного выпить, перед тем, как спать завалиться.

Готлиб, оправив одежду, ту же затянул широкий походный пояс.

— А вы, мистер Том, здесь с делом? — спросил он, оглядываясь на лежащее на краю длинного стола оружие. — Приказания будут?

— Будут приказания, братцы, — ответил я, подходя к камину и протягивая к огню озябшие руки. — Гости к нам едут. Пятеро серьёзных людей, и с ними дети — тридцать два человекка. Спасли из рабства в Плимуте. Нужно будет их накормить и уложить спать.

— Здесь? — уточнил Носатый, набрасывая на плечи длинный и тёплый войлочный плащ.

— Здесь, — кивнул я. — Единственное помещение, где тепло.

— Не единственное, — потирая заспанное лицо, возразил Носатый. — В конюшне я тоже нагрел.

Мы с Робертсоном и Готлибом рассмеялись.

— Я — за стенку, к печам — сообщил Робертсон, быстрым шагом направляясь к двери, ведущей во внутренний двор. — Запалю всё сразу, угля-то мы привезли восемь бочек.

— Значит, первым делом — еду распаковать, — сам себе проговорил Готлиб, направляясь к корзинам.

— Свечи есть? — спросил я у Носатого.

— Как не быть, мистер Том! Есть свечи.

— Давай.

К тому времени, когда вошёл посланный встретить гостей Готлиб, помещение зала преобразилось. Вдоль всего стола, в середине, протянулась линия зажжённых свечей. Второй линией были расставлены блюда с ветчиной, сыром и хлебом. У дальнего края стола полукругом расположились имеющиеся стулья — для взрослых гостей, и там же среди снеди посверкивали тёмной зеленью бутылки с вином. В огромном старинном камине гулко ревел разведённый старательным Носатым огонь.

За дверями послышались стук и топот копыт. В зале уже было не просто тепло, а жарко, и я, в тонкой белой рубахе, не набрасывая ни плаща, ни камзола, подошёл и распахнул дверь.

Тотчас внутри мимо меня стали поспешно входить незнакомые люди, потянулись заспанные, всклокоченные, утомлённые долгим путешествием дети. Отправив Носатого устроить в конюшне чужих лошадей, я вернулся, зябко вздрагивая, в залу.

Неподалеку от входа, обернувшись лицом ко мне, стояли прибывшие взрослые. Я подошёл, встал напротив.

— Барон Шервуд, владелец этого замка, — громко проговорил Готлиб.

По очереди делая короткий шаг, прибывшие совершали поклон и представлялись. Я, также кланяясь, машинально называл своё имя, не запоминая имён приехавших: внимание моё было отдано столпившимся у стены малышам.

Кое-кто из них метнулся было к огню камина, но тихое слово самого старшего из них, — лет четырнадцати-пятнадцати, крепкого, беловолосого, с широкими скулами, — в один миг вернуло всех в примолкшую, выжидающую, блестящую настороженными глазёнками стайку.

— Смит, — последним глухо сказал массивный человек с лицом, закрытым до глаз чёрной повязкой, и только по медвежьим рукавам его куртки я понял, что это Бэнсон.

Ответив на поклон, я, обращаясь к старшему из детей, сказал, указывая на камин:

— Если хотят, пусть погреются.

Он благодарно кивнул, глянул на своих, и стайка быстро переместилась к огню.

— Это, — сказал детям, указывая на меня, один из гостей, — мистер Том, владелец дома, приютившего нас.

Столпившиеся у камина метнули в меня торопливые взгляды.

— Это, — продолжил говорящий уже для меня, указывая на белоголового и широкоскулого паренька, — Дэйл. Он старший.

— А я знаю мистера Тома! — вдруг послышался тонкий голосок Ксанфии. — Он сказал, что нас бить не будет!

— Это правда, — ответил я дрогнувшим голосом. — Никто никого не будет бить в этом доме.

— Ни за что? — выкрикнул новый голосок из стайки — дерзкий, весёлый.

— Ни за что, — твёрдо ответил я.

— Нойс!! — вдруг взревел Дэйл, но было поздно.

Маленький огненно-рыжий мальчишка метнулся к столу, схватил какое-то блюдо, приподнял — и грохнул его об пол. Затем подскочил ко мне и остановился, задрвав голову и заглядывая в глаза.

Я рассмеялся и спрятал руки за спину.

— Обратите внимание! — громко произнёс тот, кто представил меня. — Мистер Том — хозяин своего слова.

Сказал, что бить никого не будут — и вот — так и есть. Но! — он поднял вверх палец. — Если мистер Том скажет, что за подобное озорство он отправит озорника назад к Слику — будьте уверены, он это сделает.

— Ой-ой! — послышался из стайки испуганный девичий голосок.

Рыжий мальчишка, втянув голову в плечи, направился было к своим, но Дэйл шагнул вперёд, грозно взглянул — и Нойс, лихо крутнувшись на одной ножке, развернулся и бросился подбирать разлетевшиеся черепки.

Один из мальчишек в это время вдруг шагнул от камина к стене и присел, охватив руками живот. Дэйл, заметив это, подошёл, наклонился и что-то спросил. Затем он направился ко мне и, подойдя, негромко спросил:

— Мистер Том, где здесь галюн?

— Во дворе, — ответил я, указывая на противоположную дверь. — Вправо наискосок.

— Шышок! — Дэйл повернулся к мальчишке и пома-нил его за собой.

Они быстро скрылись за дверью.

— Ну, братцы, — громко спросил я у оставшихся, — чего больше хотите — погреться или поесть?

— Пое-есть! — запищали стразу несколько голосов.

— В таком случае — не торопясь, маленьких усаживаем первыми — устраиваемся за столом.

Рыжий Нойс метнулся к столу, словно увидевший мышку котёнок, но в это время в залу вошёл Дэйл. Нойс тут же вернулся, схватил за руку одного из своих и с демонстративной заботой повёл к столу.

— Чарли, — от двери сказал ему Дэйл. — Смотри у меня!

Рыжий в ответ недоумённо выпучил глаза и сделался ещё заботливее. Я с удивлением заметил, что он ведёт за руку маленького человечка с вполне взрослым лицом, из тех, кого называют лилипутами. А следом за ними шагал

ещё один взрослый, — низкий, согнутый, с широким покатым горбом. Поспешно семенили две девочки, ведя под руку высокого, может быть, даже выше Дэйла, подростка с добродушно-глуповатым лицом. Узкие глазки его радостно смотрели на выставленную на столе снедь.

— Джентльмены! — обратился я к взрослым, переговаривающимся с Готлибом и пришедшим из печной комнаты Робертсоном. — Прошу..

Следуя приглашающему жесту моей руки, все чинно расселись на стульях.

Звякнули столовые приборы. Звучно хлопнула пробка.

— А нам вина не нальют? — послышался негромкий скрипучий голос.

— Гóбо,— прошипел Дэйл. — Люди ещё сами не выпили!

— И потом, — наставительно заметил Носатый, — дети вина не пьют.

— Вообще-то мои пьют, — глухо кашлянув, сказал Дэйл. — Когда очень устанут или когда холодно. Немного, пару бутылок на всех.

— Да, — заметила сидящая рядом с ним Ксанфия. — От вина тепло!

— Ну, — произнёс берущий вторую бутылку Носатый, — как хозяин распорядится.

Немедленно десятки глаз выжидательно уставились на меня.

— Дэйл, — сказал я, указывая взглядом на стоящую у стены наполовину опустевшую корзину с бутылками. — Возьми, сколько решишь нужным, и налей своим. Маленьким, наверное, поменьше. А вот Гóбо можно побольше.

— И Бálлину побольше, и Баллину! — подпрыгнул на лавке Чарли Нойс. — До невозможности смешная морда у него, когда он вина выпьет!

— Чарли! — с досадой проговорил Дэйл. — Мы в гостях! Не позорь нас перед людьми!

— А что я такого сделал?! — завизжал и привстал с лавки Чарли.

— Сиди! Ешь! — рявкнул Дэйл и, виновато взглянув в сторону взрослых, сказал: — Извините. У него характер такой.

— Чафли хо-офый, — подтвердила с набитым ртом Ксанфия.

Хлопнув дверью, вбежал, потирая с холода руки, Шышок. Втиснулся между своих, что-то торопливо зашептал оказавшимся рядом. Очевидно, что-то такое важное, отчего те даже перестали жевать.

Утолив голод, малыши принялись по одному выбираться из-за стола. Они направлялись к камину и там, вертясь у огня, о чём-то переговаривались. Я кивнул Дэйлу, и вместе мы подошли к отделённому от общего зала ширмами будуару, где недавно устраивались Алис, Эвелин и Анна-Луиза.

— Мы все, — как бы совещаясь, сказал я мальчишке, — устроимся на мешках с паклей. А девочек нужно уложить отдельно. Вот здесь, на кроватях.

— Почему девочек — отдельно? — непонимающе взглянул на меня Дэйл. — Всегда мы все спали вместе.

— Ну как же, братец. Обязательно отдельно.

— Но почему?

— Люди, Дэйл, делятся на мужчин и женщин.

— Это я знаю, мистер Том. Я ведь не Тёха. — Он взглянул в сторону мерно жующего узкоглазого крепыша. — В смысле, не дурачок.

— Ну тогда должен знать и то, что женщины... Они — особенные.

— Чем же?!

— Они наполняют мир... Как бы тебе сказать... красотой и теплом. Поэтому к ним нужно относиться с внимательностью и заботой. — И твёрдо добавил: — Приехавшие сегодня девочки устроятся на ночь здесь, за ширмами.

Дэйл, выражая примирительное согласие, пожал плечами и, обернувшись, громко позвал:

— Ксанфия! Омелия, Грэта, Файна! Идите сюда!

И, когда маленькая компания собралась возле нас, он, указав жестом, сказал:

— Мистер Том решил, что вы будете спать отдельно. Вот здесь.

Ксанфия, поудобнее перехватив свой маленький костыль, шагнула и посмотрела за ширму. И вдруг, восторженно завизжав, устремилась в будуар.

— Ковры! — звонко выкрикнула она оттуда. — Коврики! Разноцветные одеяла!

Остальные три немедленно устремились за ней, и до нас долетели звуки возни и восторженные восклицания.

— Вот так, — сообщил я удивлённо взирающему Дэйлу. — И, кроме того, что нужно сделать ещё кое-что.

— Что? — с готовностью спросил Дэйл.

Не пускаясь в объяснения, я подзвал Носатого и спросил:

— Здесь имеется какой-нибудь большой чан? Чтобы человек мог влезть в него?

— Зачем влезать в чан, мистер Том?

— Чтобы вымыться!

— Ах, да! Они же с дороги... Да, мистер Том, такая посудина у нас только одна. Дубовое корыто с низкими стенками. Большое, в нём даже взрослый поместится. Но...

— Что — «но»?

— Мы из него лошадей поим.

— Другого нет?

— Нет.

— Тогда возьми Робертсона, притащите это корыто сюда, ополосните кипятком и наполните горячей водой. Да побыстрее, пока девочки не уснули.

— Я им сейчас скажу, — двинулся было за ширму Дэйл. Я остановил его и тихо спросил:

— Ты разве не знаешь, что к женщинам нужно входить, только постучав и дождавшись приглашения?

— Это ещё почему? — недоумённо уставился на меня Дэйл.

— Я же тебе говорил, — мягко пояснил я. — Они — особенные.

Снова пожав плечами, Дэйл стукнул в деревянную кромку ширмы и громко позвал:

— Грэта!

Тотчас в проёме ширм показалась худая, долговязая девчушка с острым носиком и маленькими бесцветными глазками.

— Грэта, сейчас принесут большую лохань и горячую воду. Будете мыться. Последи там за маленькими!

Грэта, кивнув, скрылась, и за ширмами раскатилась новая волна визгов и восклицаний.

— Где конюшня? — спросил меня Дэйл. — Пойду помогу лохань притащить.

— Выйдешь в большую дверь, — показал я ему, — и направо. Там ваши кареты, увидишь.

Дэйл ушёл. Я же, отметив, что над огнём в камине уже подвешены два больших котла, решил подойти к сидящим за столом взрослым, но вдруг обратил внимание, что никого из мальчишек возле камина нет. Более того, их не было и в самом зале. Я быстро прошёл к двери, ведущей во внутренний двор. Раскрыл. Никого. Вдруг послышались приглушённые голоса. Пройдя к соседствующей с залом печной комнате, я заглянул внутрь. Вся мальчишечья мелюзга, и карлик Баллин, и горбун Гобо, и вечно улыбающийся увалень Тёха сгрудились здесь, возле раскрытой печной дверцы.

— Говорил же вам, что этот чёрный камень — горит! — раздался ликующий голос Шышка.

— Это — уголь! — ответили ему, — а не какой-то там чёрный камень. Ты что, в порту в Плимуте угля ни разу не видел?

— Как не видеть. Видел! Но не видел, чтобы он так горел!

— Отчего ж ему не гореть, — произнёс я, входя. — Уголь — это то же дерево. Только такое, которое пролежало в земле тыщу веков. Теперь вот его откопали, и оно горит в печке.

— Дерево? — недоверчиво переспросил кто-то, доставая кусок угля из бочки.

Вдруг наши голоса перекрыл отчаянный вопль. Все быстро повернулись к дальней печи. Там, зажав ладонь под мышкой, приплясывал рыжий Чарли.

— Кочерга-а! — вопил он. — Обжётся-а-а!

— Зачем же ты, плут, схватил горячую кочергу?! — спросил я, быстро направляясь к нему.

— Чёрная-а! Хотел пошутить, Шышка измаза-ать!

— Ну и чего теперь ты орёшь? — вдруг строго спросил один из мальчишек. — Сам виноват. Беги, сунь руку в холодную воду!

Чарли, подвывая, выбежал во двор. Вошёл, придерживая не успевшую захлопнуться за ним дверь, Робертсон.

— За горячую дверцу схватился? — спросил он, кивая вслед убежавшему Нойсу.

— Нет, — ответил я. — За кочергу.

— Осторожнее надо, — назидательно произнёс Робертсон. — Пока кочергой во всех трёх печах поработаешь — она здорово раскалится.

— А как ею в печах работают? — немедленно спросил кто-то.

— А вот смотрите, — кивнул Робертсон, поднимая кочергу и подходя к печи.

Он отпахнул дверцу и широким движением отправил кочергу внутрь. В ту же секунду из дверцы вылетел шевелящийся рой искр, а в топке ухнуло и загудело. Мальчишки восторженно завопили. А Робертсон, разровняв алые угли, отступил от печи, кивком приглашая

посмотреть. Все (и я в том числе) стали по очереди подходить к печи и заглядывать внутрь алого гудящего чрева. Там, над багровым ковром раскалённых углей плясал и свивался в прозрачные снопики рыжий огонь. Лицо оказывал нестерпимый жар. Резко пахло кислым запахом сгорающего угля.

Робертсон в это время гремел железом возле остальных печей. Но вот он вернулся (мальчишки поспешно и почтительно расступились перед ним), снял крышку с угольной бочки, достал из неё лопату с сильно укороченной ручкой и, с шумом поддевая уголь, принялся вбрасывать его в топку. Огонь в печи притих, но через мгновение снова стал гудеть, набирая силу.

Закрыв дверцу, Робертсон откатил бочку к следующей печи. Но бросать уголь в топку почему-то не спешил. Выпрямившись, он весело взглянул на мальчишек и спросил:

— Кто, джентльмены, желает попробовать?

— Чарли, конечно, первым схватил бы лопату, — торопливо произнёс подросток с весьма приятным лицом, — но я думаю — пусть первым попробуют Баллин и Гобо. Потому что они самые старшие.

— Да! Правильно! — загалдели мальчишки, расступаясь перед шагнувшим вперёд маленьким горбуном.

Я отошёл к двери. Оглянулся — и, поймав себя на неожиданной мысли, не сдержал улыбки. Вот ведь, я — взрослый человек и довольно видел серьёзного в жизни. Но как же хочется схватить эту короткую лопату и побросать звенящий уголь в алую гудящую печь!

Я немного постоял на холоде, глядя в тёмное звёздное небо. За дверью печного помещения слышались азартные голоса. Из глубины двора, из темноты, долетали плаксивые проклятия остужающего обожжённую руку Чарли. Над головой мелькнула бесшумная тень. Кто это? Сова? Через несколько мгновений где-то вверху, на кромке стены раздалось: «У-ггу!» Нет, филин.

— Это что же, кроме меня в замке ещё есть хозяин? — спросил я в его адрес, приветливо улыбаясь.

О как я был прав в своей догадке, совершенно, впрочем, не осознавая в то миг эту свою правоту!..

Холод охватывал медленно, но неотступно. Зябко вздрогнув, я поспешил в каминный зал.

И, едва войдя, я не сдержал умилённой улыбки: за ширмами звенел ручеёк таких восторженных голосков, писков и восклицаний, что, казалось, никакое сердце не смогло бы остаться равнодушным.

— Ещё ковшичек! — перекрывал льющиеся из-за ширмы восторги голосок Ксанфии. — И ещё ковшичек!

— Довольно тебе! — назидательно ответствовали ей. — Мальчишкам не хватит!

— Грэта! — крикнул от камина раскрасневшийся Дэйл. — Не жалея воды! Для мальчишек мы ещё два котла греем.

Вдруг за ширмой раздался надсадный кашель, заглушённый отчаянно-звонким смехом.

— Глупая Грэта! — колокольчиком заливалась Ксанфия. — Ты разве не знаешь, что это мыло! Его не едят!

— Бюе-е-е-е!! — отчаянно отвечала невидимая Грэта.

Я, растянув рот в широкой улыбке, шагнул к взрослым, устраивающимся на поле, сложенном из тюков пакли и накрытым старым латаным парусом, и меня встретили такими же безмолвными, полными сорадования улыбками.

ЗОВ РЕМЕСЛА

Слишком взволнованный всеми этими событиями для того, чтобы уснуть, я, накинув на плечи длинный, до пят, войлочный плащ Носатого, бродил по залитым лунным светом дворикам замка и тёмным, гулким, пустым цейхгаузам. Поднимался на плоские кромки хорошо сохранившихся замковых стен. Осторожно поднимался по угрожающе поскрипывающим деревянным маршам внутри угловых башен. Смотрел сквозь узкие бойницы на безмолвные каменные переплёты Шервудского замка. Останавливаясь, бормотал:

— Ну что, старина! Как тебе новые постояльцы? Давай, просыпайся, старик. Будем жить!

В каминный зал вернулся, когда уже рассвело.

Мальчишек в нём никого, кроме Дэйла, не было, и, поскольку не было и Робертсона, стало понятным, что все они кормят углём застенные печи. Всклоченный, заспанный, неподражаемо деловитый Дэйл отдавал распоряжения снующим возле стола девочкам.

— Омелия! — хриловатым со сна голосом выговаривал он, — Грэта! Сыр нужно выложить на два блюда, чтобы всем к одному не тянуться. Файна! Ветчину режь крупными кусками! Или ты птичек кормить собралась? Ксанфия! Бокалы для вина — только взрослым!

Белолицая, с ярко-алыми пятнами румянца на щеках Омелия, с гримасой преувеличенного старания выпучив и без того круглые глазки, прижимая к груди стопку тарелок, на ходу сделала утрированный, дурашливый книксен. Угловатая, долговязая Грэта, на голове которой белел какой-то старушечий кружевной чепец, встревоженно вздёрнула острый носик:

— Дэйл, Дэйл! — торопливо выталкивая из себя слова, заспешила она. — Блюдо! Для сыра! Только одно!

— Значит, вторую часть сыра выложи горкой прямо на стол!

Тут Дэйл, взглянув на звук хлопнувшей двери, быстро направился ко мне, издали протягивая руку. Но его опередил Носатый, бросившийся с радостным криком к найденному-таки своему войлочному плащу. Я сбросил тяжёлый балахон с плеч, протянул Носатому. Кивнул Дэйлу. Спросил:

— Где гости?

— У конюшни, — чётко доложил он, — закладывают кареты.

— Уже собираются уезжать? Что же Бэн... Что же они мне ничего не сказали?

— Они даже есть не станут! — сообщил мне вслед Дэйл, — сказали, что позавтракают на корабле!

Возле конюшен стояли уже заложенные кареты. Я подошёл к человеку в маске, спросил:

— Отчего такая спешка?

— Мы заберём часть детей, — ответил мне Бэнсон. — Тех, у кого отыскались дом и родители. Нужно успеть отвезти их. А времени очень мало.

— Деньги? — мгновение подумав, спросил я его. — Люди? Адмиралтейство?

— Оружие, деньги, — всё есть. Люди... Случайного человека в это дело не возмёмшь, пусть он даже отличный боец. А вот знакомство в адмиралтействе — это может быть очень полезным. Сэр Коривль ещё на своём месте?

— И он, и Луис. Визу на отход из порта для любого корабля получишь в ту же минуту, как войдёшь в кабинет. Если Луис будет отсутствовать по какому-нибудь поручению, то сэру Коривлю нужно сказать...

— Я помню.

За чёрным закрывающим лицо платком угадывалась лёгкая улыбка.

— Пора, — сказал подошедший к нам спутник Бэнсона. — Через два часа мы должны быть в порту.

Спустя пять минут пространство вокруг карет было наполнено шумом, суетой, прощальными восклицаниями.

С некоторым удивлением я отметил, что Дэйл стоит в стороне, и лицо у него недоброе.

Кареты отъехали. Девочки тайком утирали слёзки. Узкоглазый и добродушный увалень Тёха словно заводной махал длинной и широкой, как лопата, ладонью. Украдкой о чём-то шептались Баллин, Чарли и оскалившийся в кривой ухмылке горбун.

— Мистер Том, — вдруг произнёс кто-то тихим голосом.

Я обернулся. Дэйл, ещё более понизив голос, сказал:

— Есть неприятное дело. Мне нужно остаться со своими наедине. А они ведь сейчас бросятся за стол. Не могли бы вы громко сказать, что сейчас будете заливать одну из печей, и что будет грохот и пар? Тогда все побегут не за стол, а к печам.

— Сейчас сделаю, — ответил я, не пускаясь в расспросы, и Дэйл отошёл.

— Джентльмены! — деланно бодрым голосом произнёс я, обращаясь к столпившимся возле конюшни мальчишкам. — Сегодня здорово потеплело, видите, снег за ночь растаял. И в зале отменно тепло. Поэтому сейчас Робертсон зальёт одну печь. Будет грохот и пар. Кто желает посмотреть — это можно.

Азартная стая мгновенно унеслась на внутренний дворик, к печам. Удивлённый Робертсон подошёл ко мне. Я пояснил:

— Дэйл попросил. Зачем — сам не знаю. Пойдём, со стороны глянем.

Мы тоже пришли во внутренний двор. Остановились перед плотно прикрытой дверью печного помещения.

— Никакого грохота с паром, — вполголоса заметил Робертсон. — Тишина.

Через пару минут дверь открылась. Из печного помещения торопливо вышел съёжившийся, потирающий затылок Чарли Нойс, и следом за ним — карлик Баллин. Взгляд у Баллина был унылым. Они, неуверенно кивнув нам, торопливо скрылись за дверью каминного зала.

Следом за ними просеменил чем-то опечаленный горбун Гобо. И, один за другим, поспешно и молча, словно муравьиная цепочка, в двери каминного зала протопали все остальные мальчишки. Последним вышел Дэйл. В руке у него была чья-то курточка, собранная в узел. Дэйл протянул этот узел мне. Заглянув в него, я увидел пару складных ножей, короткий цилиндр подзорной трубы, трубку и тючок табаку, часы с длинной цепью, костяной футляр с портняжными иглами, несколько серебряных пуговиц, пистолет, шпору и три кошелька.

— Кареты далеко не отъехали, — угрюмо произнёс Дэйл. — Если дадите лошадь, я доскачу. Ведь это надо вернуть.

— Это что же, — озадаченно спросил я, доставая и вывешивая на руке пистолет, — они за пару минут...

— Простите их, мистер Том. Их работа — ловко чистить карманы. Не удержались...

— Хорошо, Дэйл. Оседлай любую лошадь в конюшне и скачи за каретами. А ты, Робертсон, принеси воды и залей одну печь.

— Для чего? — непонимающе спросил Робертсон.

— Что непонятного? — бросил ему уходящий от нас Дэйл. — Чтобы мистер Том не оказался вруном.

Он скрылся за дверью. Робертсон, со вздохом взглянув на меня, произнёс:

— Кажется, закончилась у нас спокойная жизнь.

И ушёл к печам, бормоча на ходу:

— Ну, пираты...

НЕЖДАННЫЕ ХЛОПОТЫ

Я отправился следом за ним, чтобы помочь. Однако заливать печь Робертсон не спешил. Открыв дверцу, он разровнял кочергой пылающий уголь и, выпрямившись, произнёс:

— Добавлять перестану — она сама и погаснет. А лить воду — колосники попортим.

— Разумно, — ответил я. — Сама пусть погаснет. А Дэйл-то парень толковый!

— О-хо-хо, — лишь вздохнул Робертсон, закрывая дверцу.

— Да, дружище, — сказал я ему. — Закончилась у нас спокойная жизнь. Но выбора нет, сам понимаешь. У детишек — ни жилья, ни родителей. А здесь — пятьсот человек поселить можно. Может быть, судьба мне этот замок для того и подарила, чтобы я малышкой приютил.

— Смотря каких малышек, мистер Том. Крокодилыцев! Им возрасту, кажется, от восьми до четырнадцати?

— Да. Только Дэйлу пятнадцать.

— Год-два, и вырастут крокодилы!

— У тебя какое-то предложение или ты без всякой цели болтаешь?

Робертсон взглянул на меня. Широко улыбнулся.

— Болтаю, мистер Том! Всегда так, пока с утра не поем — настроение скверное!

— В чём же дело? Идём поедим.

Когда я открыл дверь в каминный зал, облепившие стол «крокодилыцы» как по команде перестали жевать и устали на меня поблёскивающие глазёнки.

— Хорошего аппетита! — сказал я им, и на маленьких лицах появились улыбки.

— Говорю же вам — бить не будет! — радостно прозвела Ксанфия, и тут же воскликнула: — Брюс, что же ты сделал!

Я быстро нашёл взглядом того, к кому обращалась бесхитростная девчушка. Лобастый, коротко остриженный мальчуган лет двенадцати держал в руке безнадёжно испорченную двузубую вилку. Один зубец её он согнул под прямым углом к ручке, и второй — так же, но в другую сторону.

— В-вот! — гордо показал он всем нам. — Придумал!

— И для чего это? — хрипловато поинтересовался горбун.

— А в-вот! — торжественно пояснил Брюс.

Он взял со стола кусок сыра, нанизал его на один зубец, снова протянул руку, взял кусок ветчины и оснастил им второй зубец. Затем, слегка поворачивая кисть, стал по очереди откусывать то от одного куска, то от другого.

— Брюс у нас — придумщик! — гордо сообщила Ксанфия.

Несколько человек за столом немедленно уткнули зубцы своих вилок в край стола, усиленно отгибая их.

— Началось, — за спиной у меня прогудел Робертсон. — Так никаких вилок не напасёшься!

— И что? — полуобернувшись к нему, негромко спросил я. — Запретить?

— Конечно!

— Нет, дружище. С этой компанией любое неосторожное слово может стоить репутации. Нет. Мы осмотримся, подождём.

Скрипнув, открылась большая дверь каминного зала, и в него с улицы шагнул Дэйл. Несколько человек за столом немедленно склонили головы ниже и стали усердно жевать.

— Всё людям вернул, мистер Том, — сообщил Дэйл.

— И что люди?

— Смеялись.

— Ну, хорошо. Садись, ешь.

Мы устроились за столом. Освободивший мне место Готлиб сказал:

— Нужно что-то готовить, мистер Том.

— В каком смысле?

— Всё время кормить их сухими кусками? Нужно готовить супы, каши. Думаю, следует привезти сюда миссис Бигль.

— Да, верно. Сейчас же поеду в Бристоль. Верхом, кажется, часа два будет?

— Час — рысью, два часа — шагом.

— Нам тоже нужно туда поехать, — поспешно сообщил Робертсон. — В карете. Еды привезти. Её у нас — на день, не больше.

— Нет, Робертсон. Вам не нужно ехать. Я в городе пошлю людей, всё закупят и привезут. Вы с Носатым оставайтесь здесь, присмотрите. Иначе, вернувшись, замка мы не найдём.

— Почему?

Я кивнул на усердно ломающую вилки стаю:

— Сровняют с землёй.

Мы ещё не закончили завтрак, когда, алея румянцем, к нам приблизилась робеющая Омелия.

— Мистер Робертсон, — произнесла она, глядя в пол. — Поставьте, пожалуйста, котёл с водой на огонь.

— Для чего? — недовольно поинтересовался Робертсон.

— Посуду хотим вымыть.

— Прекрасно, — ответил я вместо Робертсона, — что вы берёте на себя заботу о кухне, девочки. Предлагаю вам приготовить ещё и обед.

— Очень хорошо, мистер Том, — задорно тряхнула кудряшками Омелия. — Мы приготовим обед. Мы умеем!

Подпрыгивая на одной ножке, она поспешила к подругам.

— Готлиб! — сказал я, немного подумав. — Поедем вдвоём. Пока я буду снаряжать карету с провиантом, ты постарайся найти и нанять в Бристолле какого-нибудь учителя, из тех, кто умеет обращаться с детьми. Пусть просит любое жалованье! Давай, готовь лошадей.

Через четверть часа мы уже были в сёдлах.

На выезде из замка нас ожидало ещё одно неожиданное событие. Впереди, там, где была расположена кузня, деловито топали наши маленькие гости. Не заметив нас, они один за другим скрылись в проломе стены большого цейхгауза.

— Надо бы посмотреть, — тихо сказал я.

Готлиб кивнул. Мы слезли с лошадей и, неслышно ступая, подошли к пролому. Голоса мальчишек раздавались впереди, в полуразрушенном помещении кордегардии*.

— Вот разрушенная стена, и вот! — слышался громкий голос Дэйла. — Собираем камни, несём и складываем вот здесь.

— А зачем? — послышался недовольный голос горбуна.

— Чтобы потом, когда мистер Том станет восстанавливать стены, было удобно работать.

— Нет, зачем *мы* должны это делать?

— Гобо! Ты вкусно ел сегодня? Ты спал в тепле?

— Да, ел и спал!

— Тогда что тебе непонятно? Мистер Том дал нам кров и еду. Разве мы не должны возместить?

— Я бы, Дэйл, лучше в порту по карманам прошёлся. Это легко, даже с Баллином за плечами. Принёс бы денег мистеру Тому. Сколько там нужно, чтобы возместить кров и еду? Совсем немного. А камни — тяжёлые!

— Порт теперь далеко, — раздался чей-то уверенный голос.

— Правильно, Пит. И конец разговорам! — заключил Дэйл. — Все за работу.

Мы с Готлибом переглянулись. Готлиб восхищённо-недоверчиво покачал головой. Когда мы выбрались из пролома и подошли к лошадям, он сказал:

— Такого парня, как Дэйл, можно сразу — в команду.

— Можно, — серьёзно ответил я, поднимаясь в седло. — Дэйл — истинный англичанин.

* Кордега́рды — защитники стен замка при осаде.

СЧАСТЛИВАЯ ВЕСТЬ

В Бристоле мы не сразу направились к дому. Сначала заехали на портовый рынок и изрядно потратили денег. Наполнив снедью целый фуражный воз, мы заплатили вознице, чтобы он доставил его в Шервуд, и только после этого повернули лошадей в сторону нашего трёхэтажного особняка.

— Сначала, — делился я соображениями с Готлибом, — нужно узнать, где сейчас Давид. Он лучше нас знает людей в городе и, наверно, сможет кого-то порекомендовать.

— Это разумно, — отвечивал Готлиб. — Хороший порох от скверного я легко отличу, а вот учителя... Как его распознать, плохой он или хороший?

Но узнавать, где сейчас находится Давид, нам не пришлось. Мой старый друг, с радостной улыбкой на круглом лице, вышел к нам навстречу, едва мы въехали во внутренний двор особняка.

— Со вчерашнего вечера тебя жду! — воскликнул он, поглаживая гриву потянувшейся к нему лошади. — Утром к кузнецу съездил — но он как-то странно отмалчивается!

— Что-то срочное? — спросил я, спускаясь на землю.

— Срочное, и весьма!

— Опасное? — торопливо поинтересовался спрыгнувший рядом Готлиб.

— О, нет. Просто одно очень важное торговое дело.

— Хорошо, — кивнул я, передавая поводья Готлибу. — Идём в дом. Эвелин там?

Мы поднялись на второй этаж, вошли в обеденную залу.

Какое же это счастье, если у тебя есть место, куда ты можешь возвращаться после трудной, а то и кровавой мужской работы! Место, где спокойно, тихо, уютно. Где на привычном месте стоит длинный обеденный стол, а в торце его возвышается стул, на который в твоё отсутствие, следуя

негласному уговору, никто никогда не садится. Где стены выкрашены бирюзовым, жёлтым и белым, где цветы в маленьких вазах, где за гранёными стёклами старинного шкафчика смутно зеленеет бутылка с заморским ромом, а рядом с ней так же смутно светятся оранжевые апельсины, и где тебя ждут вот с этой солнечной, тёплой улыбкой.

— Здравствуй, Эвелин, — сказал я, раскрывая руки для объятия.

— Здравствуй, милый, — ответила она, и сердце моё дрогнуло.

«Что-то случилось?»

Неизменно сдержанная, ревнительница хороших манер, она никогда на людях не говорила мне «милый». Нет, всегда — Том, или Томас. Что-то случилось?

— Давид, — произнёс я, поворачиваясь к старому торговцу. — Прежде чем сесть и начать говорить о твоём важном деле, давай отправим Готлиба в город. Очень нужно нанять хорошего учителя, и ты, если можешь, порекомендуй нам кого-нибудь.

Давид сел за стол. Задумался, выпятив губу. Подняв голову, поинтересовался:

— Сколько лет ребёнку?

— Двадцать три человека, в возрасте от восьми до пятнадцати.

— О как! Для такой компании нужен... нужен... — Он торопливо что-то искал в многочисленных объёмных карманах. — ...Гювайзен фон Штокс!

И показал извлечённый на свет небольшой ключ.

— Затейливый, — оценил ключ вошедший Готлиб. — Скорее — от двери, чем от сундука.

— От двери, от двери, — закивал довольный Давид. — Если повезёт, то хозяин окажется дома, и замок отпираться не придётся. Если его не будет, слышишь, Готлиб? Тогда войди и оставь записку.

— Но это хороший учитель? — поинтересовался Готлиб, протягивая руку к ключу.

— Ещё не знаю. Он недавно появился в Бристоле и снял комнату в моей гостинице. Его знание множества иностранных языков вызвало интерес. Но первые же занятия показали, что вместо того, чтобы заставлять своих подопечных учиться, он с ними непринуждённо болтает. Вместо урока арифметики может повести ученика в лес слушать птиц, а на уроке истории ни с того ни с сего начать декламировать вирши. Но дети любят его, так что он может быть уже нанят.

— Но это же какой-то сумасшедший учитель! — удивлённо сказал Готлиб. — Вместо арифметики слушать птиц! Для чего же вы посылаете меня к нему?

— А кто, кроме сумасшедшего, возьмётся учить сразу двадцать человек, да ещё разного возраста?

— Поезжай, Готлиб, — махнул я рукой. — Достаточно того, что Давиду он оказался интересен. Да, Давид? Если он дал тебе ключ, стало быть, вы в приятелях?

— Именно так, мой дорогой Томас. А где, кстати, ты обнаружил столь большую компанию неучей?

— Об этом ещё наговоримся, — решительно заявил Готлиб. — Где живёт этот ваш сумасшедший? Адрес?

— По адресу не скоро найдёшь, — наморщил лоб Давид. — Там улицу перекопали — кто-то дом строит. Я на бумаге нарисую, как удобней проехать.

— Бумага и чернила внизу, в мебельном зале, в конторке, — сказала им Эвелин.

Они направились вниз, а я подошёл к жене, обнял её и опустил лицо в каштановые густые волосы, наполненные сладким, родным ароматом.

— Двадцать три человека? — шёпотом спросила она меня. — Разного возраста? Ты ограбил какой-то приют?

— Нет, милая. Меня попросили на время пристроить... как бы это объяснить тебе... воровскую семью. Они были

в рабстве в Плимуте. Люди... Друзья Бэнсона привезли их в Бристоль, и я поселил их в нашем замке. Помнишь зал с камином? Вот там.

— И им нужен учитель?

— Да. И кухарка.

— И тебе там нужно быть какое-то время?

— Да, нужно.

— Тогда всё превосходно!

— Что превосходно, моя милая?

— Я поеду с тобой, и поселюсь в этом старом и тихом замке, и стану учителем и кухаркой.

— Ты хочешь целыми днями стоять у плиты?..

— Но согласишься, не везти же туда наших Биглей.

— ...И обучать два десятка невоспитанных «кусачих» детишек?

— Но, Томас... согласишься, что неразумно пренебрегать возможностью приобрести опыт общения с детьми в то время, когда ждёшь своего?

В первую секунду я не уразумел, о чём она говорит. Слегка отстранился, с непониманием взглянул в её распахнутые, радостные глаза, и только когда Эвелин, взяв мою руку, приложила ладонь к своему животу, горячая, пьянящая волна счастливой догадки качнулась в моей груди.

— Да правда ли? — растерянно прошептал я, «вслушиваясь» ладонью в тепло её тела.

— Несомненно, — шёпотом ответила Эвелин. — Уже приходила рекомендованная старушка.

— И... что?

— И — там маленький Уильям.

Присев, я осторожно принял жену на руки, поднял и медленно, вальсируя, заскользил по зале.

Стены кружились. Оттенки бирюзового и золотого сливались передо мной в колдовскую мозаику. Эвелин, обняв меня и прижавшись, обдавала шею жарким дыханием.

Наверное, всего лишь раз я был до такой степени счастлив — в порту, когда при возвращении в Бристоль из нашего первого плавания, Эвелин сказала мне: «Я еду с вами».

На лестнице послышались тяжёлые шаги шумно отходящегося Давида. Я медленно поставил Эвелин на ноги, несколько раз торопливо поцеловал её лицо. Прошептал:

— Постараюсь как можно быстрее обсудить с ним его важное дело — и спрашиваюсь.

— Если б ты знал, — прошептала Эвелин, — как я люблю тебя. Если б ты знал!

КОМПАНЫ

Давид поднялся к нам на второй этаж и грузно опустился за стол.

— Пока вы беседуете, — сказала Эвелин, — мы с миссис Бигль приготовим обед.

Благодарно поклонившись ей, Давид повернулся ко мне.

— Томас! — строгим голосом сказал он. — Ты приобрёл большое имение.

Я, внимательно глядя на него, молча кивнул.

— Теперь тебе придётся ежегодно платить изрядный налог.

Я снова кивнул.

— Ты уже думал, где ты будешь брать деньги?

— Не понимаю, Давид. Кажется, тебе известно, что деньги у меня есть.

Давид придвинул ко мне принесённые из конторки перо и бумагу.

— Посчитай, — сказал он, — сколько тебе нужно заплатить за первый год, когда налог для нового владельца уменьшен, и за пару следующих лет, когда он выставлен в полной величине.

Небрежно махнув пером, я быстро добыл нужную цифру. Вывел — и оторопел.

— Да-а, — растерянно выдохнул, не поднимая глаз.

— И далее, — участливо добавил Давид, — запиши, во что тебе станет этот налог за следующие пять лет.

Я начертил новую цифру. Поднял голову и спросил:

— Что теперь делать?

— Зарабатывать!

— Ты имеешь в виду угольный пласт?

— Нет, Томас. Уголь — в последнюю очередь. С этим нужно быть предельно осторожным, чтобы ни один чиновник в Лондоне не прознал. Иначе ты получишь налог ещё и на уголь.

— Чем же зарабатывать?

— Вот с этим я и пришёл.

Давид откинулся на спинку стула, поправил шейный платок.

— Несколько месяцев, — я вёл переговоры со старейшинами ганзейского братства.

— Что за братство такое?

— Союз нескольких крупных городов в Европе. Лет двести назад они устроили гросс-форум в городе Ганза и заключили договор о торговом сотрудничестве. С тех пор ганзейское братство — очень богатая и влиятельная организация. Имеет свои флотилии, рудники в колониях, банковские дома.

— Они могут принять нас с тобой в этот союз?

— Детская мысль, Томас! Нам до этого союза — как пешком до Китая! Но оказать услугу, за которую влиятельные ганзейские мудрецы хорошо заплатят, мы можем.

— Какую услугу? Джигу* станцуем?

— Превосходная метафора! — обрадовано воскликнул Давид. — Именно джигу! Только на море.

* Джига — парный, весьма быстрый ирландский танец.

— Давид, говори понятней.

— Изволь. Мне рассказывали о твоей встрече с двумя кораблями возле Магриба. И о том, как Оллиройс устроил им неожиданный танец.

— Постой, — медленно произнёс я, привстав. — Ты хочешь предложить ганзейцам «Дукат»? В качестве...

— Гарантии сопровождения их каравана к берегам Индии.

— Если на караван нападут пираты, — взволнованно продолжил я, — то, пока они подойдут к нему на обычный пушечный выстрел, Оллиройс пустит на дно три или четыре корабля!

— А если это будет испанская эскадра — скажем, в три корабля и три фелюги?

Я сел, задумался. Стал размышлять вслух:

— Если эскадра станет приближаться с одной стороны, то вполне реально справиться и с шестью бортами. Но для этого нужно, чтобы все капитаны торговых судов быстро и точно выполняли сигналы «Дуката». Одновременно все поворачивают и уходят от нападающих. «Дукат» идёт последним и... Да. Пусть даже у нападающих будет восемь бортов — они не успеют приблизиться на стандартный пушечный выстрел, не говоря уже об абордаже.

— А если нападение произойдёт с двух сторон?

— То же самое! Нужно, чтобы все купцы быстро выполняли команды Стоуна.

— Превосходно. Значит, нам остаётся лишь подождать, когда сюда явится Стоун, и обсудить с ним его требования к капитанам купцов.

— Стоун явится прямо сюда?

— Да. Он сейчас разыскивает тебя. Я сказал ему, что дело весьма срочное. Через неделю мы должны быть в Гамбурге, а через восемь дней — в Любеке.

— Для чего так спешно?

— Видишь ли, Томас, у нас есть шанс сыграть на слухах, летающих вокруг «заговорённого» трёхмачтового

англичанина с названием «Дукат». В ганзейском братстве давно уже нет былого единства. Кто-то стремительно разбогател, вот как, например, ты. А кто-то, более уважаемый и почтенный, не добрался до южных колоний и остался, так сказать, в «бедняках». Если нам удастся договориться о сопровождении каравана, то заинтересованные купцы заплатят нам, как я надеюсь, с каждого участника тысяч по пять фунтов. Разумеется, нужно будет внести гарантийный залог — тысяч по семь за каждый корабль в караване.

— Семь тысяч — это — наши деньги, которые мы потеем, если не обеспечим безопасности хотя бы одному купцу?

— По семь тысяч за каждый корабль.

— Рискованно.

— Безусловно, риск есть. Но возьми-ка снова бумагу, и снова сделай расчёты. Если хотя бы пять купцов согласятся участвовать в плавании, то по возвращении их из Индии ты получаешь двадцать пять тысяч фунтов. Я повторю, чтобы ты проникся: двадцать пять тысяч фунтов. Практически ниоткуда! Затем, когда торговым господам станет известно об удачном походе, «Дукат» поведёт уже десяток кораблей, или дюжину. Посчитал прибыль? А теперь прибавь сюда ещё личный торговый доход.

— Какой личный доход?

— Думаю, будет разумно, если мы с тобой поучаствуем в караване двумя собственными кораблями: ты — «Фортот», я — «Африкой». Снимаем с них все пушки, весь лишний балласт, и в Индии под ватерлинию грузим их пряностями. По возвращении груз одного корабля принесёт до двенадцати тысяч фунтов.

— И кроме того, — торопливо добавил я, — на обратном пути мы заберём ещё чёрный жемчуг с Локка!

— И ещё жемчуг. К тому времени, как ты начнёшь осваивать имение — с тем, чтобы доход перекрывал

налоги — твой совокупный бюджет не только не уменьшится, но возрастёт!

Внизу слышались голоса.

— Кажется, Энди Стоун приехал, — сказал Давид. — Как удачно.

Но наверх к нам поднялся не один Стоун. С ним был ещё Оллиройс, а следом поднимались Эвелин и миссис Бигль с дымящимися блюдами.

Тепло поздоровавшись, мы уселись за дальним краем овального стола.

— Вот, Давид, — не скрывая облегчения, сказал я, — никто лучше Оллиройса не ответит на твои вопросы о пушечных возможностях «Дуката».

— А в чём интерес? — придвигая к себе тарелку, с готовностью поинтересовался Оллиройс.

Давид коротко обрисовал ему положение дел, и канонир обстоятельно рассказал о своих пушках.

— Ещё вот что, джентльмены, — заявил я, также придвигая к себе тарелку. — Хочу сообщить вам о принятом только что решении.

Мои гости замолчали и повернули лица в мою сторону.

— Исходя из того, что плавание предстоит непростое, и что доход оно обещает изрядный, я решил считать и Оллиройса, и Энди нашими компаньонами. То есть вы, джентльмены, в случае удачного завершения похода получите не своё обычное жалованье, а долю. Скажем, по десять процентов от общей прибыли груза плюс пять процентов от выплат ганзейских купцов.

Я сделал паузу. Энди и Оллиройс взволнованно переглянулись.

— По самым скромным предположениям, — задумчиво произнёс Давид, — выходит по две с половиной тысячи фунтов. Можно купить два места в парламенте.

— Слишком щедрое предложение! — воскликнул Оллиройс.

— И весьма неожиданное, — сказал Стоун. — В первую минуту даже трудно осмыслить.

Они посмотрели на Давида. Тот в знак непричастности к моему решению развёл руками. Тут мой взгляд упал на лицо Эвелин, которая помешивала соус в соуснице. В лице её я увидел неясную тень затаённого страдания, и, догадавшись о причине этого страдания, поспешно сказал:

— И не щедрое, и не слишком, а просто разумное. Всю работу предстоит сделать вам двоим. Ведь *сам я* останусь здесь, в Бристоле.

И, увидев, каким счастливым и солнечным в ту же секунду стало лицо Эвелин, невольно улыбнулся.

— Ну что же, — попытожил Давид. — Стало быть, через два дня отправляемся в Любек.

Когда Эвелин, разливая соус, подошла ко мне, я тихо сказал:

— Но в Любек мне всё-таки придётся съездить. Это дней десять, не больше.

Эвелин, склонившись, шепнула:

— Десять дней разлуки я вытерплю.

СОВЕТ

Кто хотя бы раз побывал в далёком походе по океану, тот навсегда остаётся привязанным к этому бескрайнему синему живому гиганту. Снова ступив на палубу «Дуката», я ощутил прилив буйного, ни с чем не сравнимого ликования. Простор и свобода! скрип дерева, гуденье канатов, крики команд, ветер! Летим, летим! Алле хагель! Как свободна душа человека, стоящего на палубе, вдыхающего полной грудью солёный воздух!

И как она придавлена, стиснута в косных законах человеческого муравейника. Алле хагель. Я вскоре получил беспощадно твёрдое убеждение в этом, когда, оставив

«Дукат» в гавани Гамбурга, мы на лошадях прибыли в Любек.

Общество, которое я увидел, откровенно меня озадачило. Манеры его участников и скрытый смысл разговоров приводили в полную растерянность! Как привязанный я ходил за Давидом и молча слушал. Среди людей, с которыми он встречался, были такие, чьё состояние не достигало и трети имеющихся у меня денег, но их отношение ко мне было отношением слона к букашке. Я сделал вывод, что для значимости персоны нужны не только деньги. Следовало обладать чем-то ещё, о чём я не имел пока никакого представления.

В один из дней мы небольшой компанией вышли из гостиницы и направились к кафедральному собору, возле которого находилась главная контора ганзейского братства. Здесь нас догнал поверенный Давида и, приноравливаясь к нашему шагу, не попадая в ногу и подскакивая, быстро заговорил:

— «За» — пятеро, «против» — четверо.

— Они сомневаются в нашей способности внести залог? — поинтересовался Давид.

— О, нет! О ваших финансовых возможностях уже всё известно. Дело в другом.

— Необъявленный интерес?

— Именно. Как выяснилось, один из тех, кто сегодня будет принимать решение, имеет родственника в лондонском военном ведомстве, — мы узнали, он влиятельный человек, — и прочные знакомства в адмиралтействах. Располагая информацией о походах английских военных фрегатов, он «подвязывает» к их маршрутам торговые суда. И собирает с торговцев изрядную дань.

— Таким образом, мы перешли кому-то дорогу?

— Увы.

— Только не говори мне, что этот кто-то — гроссмейстер!

— Прости, Давид. Это именно он.

— Насколько я знаю, гроссмейстер при голосовании имеет три голоса.

— Да.

— И расклад на данный момент — пять против шести.

— Не в нашу пользу.

— Что ж. Я, в общем-то, не очень надеялся.

— Давид! — негромко спросил я его. — Если ты не надеялся, для чего тогда мы тогда к этим ганзейцам идём?

— Узнаешь вечером, — негромко сказал он в ответ.

У входа и в вестибюле неподвижно стояли высокого роста лакеи — явно из имеющих военный опыт бывших солдат. Нас встретил распорядитель и, взглянув на висящие над входом в главный зал круглые часы, поклоном и жестом пригласил войти.

— Точность — вежливость королей, — тихо бросил ему, проходя, поверенный Давида, и распорядитель неприемно улыбнулся.

Любекский зал ганзейского союза роскошью не блистал. Слева возвышался амфитеатр выставленных в полукруг деревянных стульев. Справа темнел длинный накрытый бордовым полотном стол. За ним девять человек — кто-то, шумно двигая кресло, усаживался, кто-то уже сидел. Давид и поверенный прошли к нижнему ряду стульев, поздоровались с несколькими заранее занявшими места купцами, а мы с Энди и Оллиройсом забрались на самый верх амфитеатра и там сели.

В зале не было ни пиратов, ни вооружённых наёмников, но на меня напала необъяснимая дрожь. Я впервые ощутил такое состояние. Оно не было страхом. Оно было напряжением непонятной природы. Вот внизу сидят люди, на которых невозможно воздействовать ни оружием, ни личной силой, но от которых зависит принятие очень важного для меня решения. И что будет?

Но очень скоро от меня отдалились и невнятные голоса что-то обсуждающих купцов, и бормотание Энди и Оллиройса. Солнечное, наполненное теплом и негой видение

встало передо мной: мягкая улыбка Эвелин. Какое непостижимое, чудесное событие — у нас будет ребёнок! Живой, настоящий. Он будет на нас смотреть, улыбаться. Разговаривать! Интересно, какого цвета у него будут глаза?..

Из этого сладкого оцепенения меня вывела наступившая вдруг тишина. Сидевшие за столом вставали и удалялись в соседнюю комнату. Вместе с ними ушёл Давид. Меня удивило, что в комнату эту вели две двери, расположенные вплотную друг к другу. Одна дверь была заметно выше другой.

Быстро ступая, с озабоченным лицом к нам поднялся поверенный.

— Всё! — сказал он. — Пошли бросать камни.

— Какие ещё камни? — спросил его Оллиройс.

— Так называют шары для голосования. Белые и чёрные. Сейчас вскроют урну, и если в ней окажется больше белых камней — то наше дело одобрено, и Давид выйдет в большую дверь. Если же больше чёрных — то нам откажут, и он появится в малой двери.

— Станный ритуал, — промолвил Энди.

— Не странный, — ответил поверенный, — а старинный. Наверное, уже триста лет люди несут сквозь эти двери то радость надежды, то горечь отчаяния.

Мы невольно посмотрели в сторону этих дверей — и вдруг... Маленькая дверь дрогнула, приоткрылась, и в общую залу вышел Давид. Громкий ропот пронёсся над сидящими на стульях купцами.

— Всё! — убитым голосом произнёс поверенный. — Ганзейские мудрецы отказались доверить нам свои корабли.

Давид снизу махнул нам рукой. Мною вдруг овладела холодная, злая досада. Встав, я расправил плечи, высоко поднял голову и, тяжело ступая, пошёл с амфитеатра. Сзади, словно по уговору, так же громко и грозно топали Энди и Оллиройс. Краем глаза я увидел, что открывшие большую дверь ганзейцы стоят и оробело смотрят на нас, не решаясь шагнуть в общую залу.

Мы вышли на мощёную камнем улицу.

— Стало быть, напрасно сходили в эту зажравшуюся Европу, — сердито сказал я Давиду.

— Об этом, Томас, — задумчиво отвечивал он, — мы будем знать не далее как вечером.

— Но ведь решение уже принято, — с удивлением возразил я ему. — Ганзейцы не доверили нам караван!

— Мне безразличны эти ганзейцы, — проговорил, отирая лоб и шею платком, шумно дышащий Давид. — Их мнение для нас не имеет хоть сколько-нибудь малой важности.

— А чьё мнение для нас имеет важность? — спросил я.

— Мнение тех, кто придёт сегодня в занятые нами апартаменты.

— Кто из важных людей придёт сегодня в гостиницу, Давид! Значительные персоны, как я понимаю, для серьёзных решений собираются в недоступных простым смертным местах, вот как эта покинутая нами зала.

— Томас! — задумчиво проговорил Давид. — Если дело обещает большие деньги, значительная персона придёт даже на скотный двор. Давай-ка закупим на вечер хорошей провизии и самого дорогого вина.

— Давай закупим, Давид. Утолим печаль. Лучше б я эти дни провёл рядом с Эвелин. Что ты так загадочно улыбаешься?

— По двум причинам, мой дорогой Томас. Первая — это радость за племянницу, которая вышла замуж за надёжного, умеющего любить и очень умного человека. А вторую причину ты сможешь лицезреть сам. В гостинице, вечером. Терпения наберись.

ЧАСТНЫЙ ПРИЁМ

Вечером мы все собрались в большой комнате с камином.

— Значит так, — с силой потёр ладони Давид. — Управляющему гостиницы денег я дал, так что всех гостей он сам к нам приведёт. Теперь очень важно создать антураж.

— Что создать? — озадаченно спросил я.

— Встань в дверях, — вместо ответа попросил Давид.

Я прошёл к двери, встал повернулся лицом к нему.

— Представь, — широко развёл руки Давид, — что ты человек, вошедший сюда с важным делом.

— Ну, представил. И что?

— В тебе сейчас борются два чувства. А именно — доверия и недоверия к тем, кто находится в комнате. Какое из них побеждает?

— Давид, не говори загадками. Никто никого во мне не побеждает.

— А ты себя измени. Стань не собой, а человеком, пришедший к незнакомым людям по делу! Угадай и представь, что он думает, чувствует! Такую способность учёные люди называют «эмпатия», и эта способность очень важна не только в торговых делах.

— Хорошо, Давид. Я внимательно слушаю.

— Вот камин.

— Вижу.

— Зависит внутреннее состояние гостя от того, горит в нём огонь — или нет?

— Думаю, да. Если огонь горит — то человеку приятней.

— Бесспорно! Но, оценивая основной факт, не допускай пренебрежения к деталям.

— Каким же?

— Гость может не придать особенного значения тому, сколько дров лежит возле камина, но взгляд его это непременно заметит!

— Так, понятно. Если много дров — это значит...

— Ну, давай! Думай и говори!

— Это значит, что мы покупаем дрова, не считаясь с расходами.

— Так.

— Ещё — что мы щедро оставим несгоревшие дрова тем, кто снимет комнату после нас.

— Так.

— И — что весь этот долгий и холодный вечер мы будем сидеть возле жаркого огня. Потому что нам нравится наша компания, мы дружны, любим жизнь и умеем сделать её благополучной и жаркой даже в зимнюю ночь.

— Прекрасно. Теперь ты понимаешь, что являет собой один и тот же человек, который, войдя, мельком замечает или три сырых поленца, или же высокую гору дров возле жарко горящего очага!

— Теперь понимаю.

— Следуем дальше. Каких людей лучше увидеть гостю, когда он переступает порог? Кабинетных чинуш в застёгнутых на все пуговицы камзолах или всласть пирующих бывалых бойцов, получивших в морских походах славные шрамы? Каким людям гость доверит свой везущий товары корабль?

— Бывалым бойцам.

— Стало быть, раздевайтесь до рубах, а то и до пояса, и как-нибудь неброско выложите оружие. Что у нас есть?

Я молча показал Крысу.

— Превосходно! — воскликнул Давид. — Вот каким ножичком нужно нарезать окорок, чтобы произвести впечатление!

— У нас ещё есть две шпаги, — осторожно напомнил Оллиройс, — мушкетон и два пистолета.

— Весомо, — полез за платком довольный Давид. — Но — вопрос: как быть с арсеналом? Составить шпаги в углу, словно зонты или трости, а мушкетон повесить на

стену, чтобы он напоминал комнату отставного боцмана, или же всё оружие строгой линией выложить на отдельно стоящий столик?

— Понимаю! — воскликнул и бросился действовать Оллиройс.

— Ну и главное, — прогудел Давид сквозь прижатый к лицу платок.

Он отёр испарину, прошёл к центру комнаты.

— Главное, — повторил он. — Куда и как усадить гостя, чтобы он ощутил комфорт и довольство?

— За наш стол, конечно, — небрежно ответил я.

— Он не трапезничать пришёл с тобой, Томас! Он пришёл поговорить о деле! А ты, представь, усаживаешь его напротив себя и предлагаешь заняться жеванием окорока!

— Так что же... Не усаживать же его в сторонке на стуле!

— Разумеется нет. Но будет разумно, если к торцу нашего обеденного стола будет приставлен ещё один, поменьше. Назовём его «гостевой». И этот гостевой стол должен быть на дюйм или два выше.

— Чтобы гость не чувствовал себя обделённым от того, что во время разговора мы насыщаемся, а он нет?

— И это тоже. Но главное — чтобы он чувствовал неосознанное превосходство над нами. Тогда он будет уверен, что умнее и дальновиднее нас, и решение, которое будет принято в результате беседы, больше выгодно ему, нежели нам.

— Поразительно, — подал голос стягивающий с плеч камзол Энди. — А всего-то — посадить человека чуточку выше себя!

Оллиройс принёс из своей комнатки снятый с козел лежак, положил его на пол возле обеденного стола, и на него уже поставил второй стол, который оказался теперь выше ровно на два дюйма. Энди Стоун между тем приставил к дальней стене широкую лавку и разложил на ней

тускло отсвечивающее в пламени свечей оружие. Я устал, поставил стол закупленной днём снедью, откупорил бутылки. Давид сходил к управляющему гостиницей и принёс большой, но явно тяжёлый ящик: музыкальный орган.

— Люди, — сказал он, заводя пружину, — которым сопутствует удача, неизменно веселы и довольны. Они слушают музыку! Они поют!

— Давид, — сказал я, готовясь налить вино в дешёвые гостиничные кружки. — Я всё-таки...

— Нет и нет! — воскликнул он, возмущённо взмахнув рукой. — Прочь посуду убогих и сирых! Достань золочёные бокалы — вон там, в моём сундуке, и приборы серебряные, и накрахмаленные салфетки!

Шагнув к сундуку, я продолжил:

— ...всё-таки не уверен, что сюда зайвится кто-то из важных купцов!

И в это мгновение раздался осторожный стук в дверь.

Давид, округлив глаза, молча, жестами приказал — мне — доставать бокалы, Оллиройсу — подложить дров в камин, Стоуну — открыть дверь, а сам запустил диск органа.

Под мелодичный звон невидимых колокольцев в комнату ступил управляющий гостиницей.

— Мистер Бартон, — произнёс он на вполне сносном английском. — Не соблаговолите ли вы принять солидного человека, желающего обсудить с вами... — он запнулся, поднял глаза к потолку, очевидно, припоминая выданные солидным человеком инструкции, — ...конфиденциальный* вопрос?

— Соблаговолю, — ответил Давид. — Приглашайте.

Управляющий удалился, а мы заняли места за столом.

— Я и в самом деле здорово проголодался, — признался Оллиройс, протягивая руку к блюду с жареными цыплятами.

* Конфиденциальный — тайный, частного характера.

Мы успели налить вино в посверкивающие золотом бокалы и пригубить. Снова раздался стук, и Давид, встав, встретил конфиденциального гостя.

— Добрый вечер, джентльмены, — произнёс невысокого роста, плотного сложения человек.

Все обменялись кивками. Давид пригласил гостя сесть, и он устроился на небольшом возвышении, имея по левую руку жарко горящий камин, а по правую — компанию бывалых людей, ужинающих с отменным аппетитом.

— Не угодно ли снять редингот, — сказал учтиво Давид. — У нас жарко.

— Благодарю, — сказал гость, — я ненадолго.

— Отужинать с нами?

— Благодарствую, нет.

— Вина?

— Можно, глоток.

Оллиройс передал наполненный на две трети бокал.

Сделав глоток, гость сделал ещё один, закатил глаза, сладко причмокнул и отставил бокал.

— Мой двоюродный брат, — сказал он, обращаясь к Давиду, — был сегодня в Любекском представительстве Ганзы. У нас имеется торговый корабль. Мы желаем войти в сопровождаемый вами караван. Минуя ганзейцев, в частном порядке.

— Как называется корабль? — с дальнего края стола поинтересовался Энди.

— «Бомбей».

— Удачное название для похода в Индию.

— Да, — оживился купец. — Мы сделали на нём уже четыре прибыльных похода и с озабоченностью понимаем, что фортуна была к нам добра слишком долго. Эти южные моря так опасны! Что будет, если корабль захватят малабарские пираты, или, предположим, встретится испанский фрегат...

Он умолк, многозначительно покивав. Сидящий напротив него Давид столь же многозначительно покивал

в ответ. Гость распахнул редингот, расстегнул сюртук и жилет. Блеснула вывешенная поперёк сытого пузца массивная золотая цепь карманных часов.

— Превосходное вино! — сказал он, опустошая бокал.

Оллиройс передал Давиду бутылку, и тот вновь наполнил опустевший бокал.

— Но речь не об этом, — снова заговорил купец, сделав большой глоток. — Мы с моим двоюродным братом готовы поучаствовать в караване и по возвращении корабля заплатить вам некоторую сумму от полученных доходов.

— Не по возвращении корабля, — вежливо поправил его Давид, — а перед отправкой каравана. И не некоторую сумму, а пять тысяч фунтов. Взнос примет Любекский банковский дом. В тот час, когда ваш корабль, благополучно вернувшийся из похода в Индию, войдёт в гавань Гамбурга, ответственный клерк переведёт эту сумму на наш счёт. Точно так же, как если вашего корабля не будет в вернувшемся караване, с нашего счёта на ваш будут переведены семь тысяч фунтов, с возвратом, разумеется, ваших пяти тысяч.

— О, это, конечно, удобная схема выплат, — согласно кивнул гость, — но вот некоторые обстоятельства...

— А что такое? — поинтересовался Давид.

— Видите ли, — пояснил заёрзавший на своём стуле купец, — мы учитываем широко известную репутацию корабля сопровождения, именуемого «Дукат». Мы убеждены в благополучном исходе плавания. И, гоня прочь мысль о риске, мы предполагаем отправить за индийскими пряностями не пустой корабль, а гружёный европейским товаром. Колёса, плуги, ножи для рубки сахарного тростника... В общем, металл. Как понимаете, чтобы закупить этот товар здесь, в Европе... Мы серьёзно потратимся! Так что нельзя ли отложить нашу часть выплаты до окончания реализации привезённых из Индии пряностей, или уменьшить её до, скажем, трёх с половиной тысяч?

— Минуту назад вы сказали, что убеждены в благополучном исходе плавания. Вы действительно так считаете? — резко спросил его я.

— О, видите ли... Вообще-то риск в индийских походах всегда велик! — отвечивал гость, повернув раскрасневшееся лицо в мою сторону.

— Настолько велик, что вы собираетесь загрузить корабль дорогостоящим европейским железом?

— Простите, мистер Дёдли, — повернулся купец к Давиду. — Кто этот джентльмен?

— Владелец «Дуката».

— Ах, вот как! Сам мистер Локк...

— С вашего позволения — мистер Шервуд.

— Мистер Шервуд! — рот купца растянулся в неискренней улыбке. — Вы, по слухам, встречались с разбойниками в южных морях...

— Да, и не раз.

— Вот видите! — горячо воскликнул купец. — Стало быть, риск преизрядный!

— Он обеспечивается нашей гарантией в семь тысяч фунтов. Деньги в банковский дом уже внесены.

— Всего семь тысяч! — воскликнул гость и даже привстал со стула. — Когда средний доход от трюмов, нагруженных пряностями, составит шесть тысяч, да ещё почти столько же мы заработаем на железе... В случае неблагоприятного исхода предприятия мы потеряем минимум двенадцать тысяч, а вы обеспечиваете только семь!

— Вы согласны, — я пристально посмотрел на него, — заплатить непосредственно перед отправлением каравана? И не три с половиной тысячи, а пять? Ответьте без отвлечённых рассуждений, одним словом: «да» или «нет»?

— Видите ли, мистер Шервуд. Если вы согласитесь принять в залог хотя бы три тысячи восемьсот, ну, в крайнем случае — три тысячи девятьсот... Ведь с кем вам

сотрудничать, как не с конфиденциальными лицами? Ганзейский союз-то вам отказал!

— «Да» или «нет»?!

— Уверяю вас, если вы примете в счёт мои аргументы...

Мистер Дёдли, вы-то должны знать, что торговые договора...

Встав из-за стола, я твёрдым шагом приблизился, крепко взял гостя за воротник, выволок его, недоумевающего, из-за стола и, протащив к двери, грубо выставил в коридор. Там шли люди, но я, не обратив на них никакого внимания, толчком руки придал рассудительному куццу ускорение, необходимое для скорейшего достижения конца коридора. Проделав это, я плотно притворил дверь и вернулся за стол.

— Уф! — воскликнул, откидываясь на спинку стула, Давид.

Оллиройс и Стоун, не сдерживаясь, хохотали.

— Томас! — перекивая их, укоризненно обратился ко мне Давид. — Он всё-таки прав в том, что ганзейские мудрецы сегодня днём нам отказали! А если больше никто не придёт?

И в ту же секунду раздался уже знакомый осторожный стук в дверь.

Давид, встав, подошёл и открыл. Управляющий, сообщив о приходе новых посетителей, ретировался, а в комнату ступили двое. Они были довольно молоды, крепкого сложения, в добротной, но весьма простой, без украшений, одежде.

— Добрый вечер, джентльмены, — сказал один из них, и оба сняли широкополые шляпы.

На их лицах сохранялся след улыбок, вызванных, очевидно, манёвром нашего первого посетителя.

— Добрый вечер, — ответил Давид. — Прошу вас, проходите, присаживайтесь.

— Благодарствуем, — ответил второй пришедший. — Мы на одну минуту.

— Хотим лишь уточнить, — продолжил его спутник. — Правильно ли нам передали, что сегодня днём владелец корабля «Дукат» с компаньонами предложил членам ганзейского союза охранное сопровождение торгового каравана в Индию и обратно?

— Совершенно верно, — ответил Давид, повторяя приглашающий жест, направленный в сторону стола.

— Вы вносите пять тысяч фунтов за корабль, — твёрдо сказал я, — в Любекский банковский дом. Мы вносим гарантийную сумму в семь тысяч за корабль. Расчёты — в момент возвращения кораблей в гавань Гамбурга.

— Мы согласны, — твёрдо сказал один из пришедших. — Завтра мы принесём в банковский дом двадцать тысяч. Кто будет учитывать вексель?

— Это буду делать я, — ответил Давид.

— У вас что же, — четыре корабля? — озадаченно спросил я.

— Четыре, мессир, — утвердительно ответил второй пришедший. — «Ланселот», «Итальяола», «Олимпия» и «Голд гроут».

— Состояние? — поинтересовался молчавший до этих пор Стоун.

— Безупречное, — ответил один из кораблевладельцев. — Паруса обновлены. Днища откренгованы и просмолены. В любой день готовы предоставить капитану «Дуката» для осмотра.

— Энди Стоун, — встал и поклонился Энди. — Капитан «Дуката». К вашим услугам.

Пришедшие также поклонились в ответ.

— Не сомневайтесь, мессир Стоун. И корабли исправны, и команды опытные. Мы только пушки с палубы снимем. Чтобы груза взять больше, понимаете?

— Зачем, — поддержал говорившего его спутник, — в этом плаванье лишний груз? Если пушки «Дуката» таковы, как о них рассказывают...

— Они таковы, — твёрдо ответил Стоун, посмотрев на Оллиройса.

Тот важно кивнул.

— Тогда завтра, в банковском доме...

— В десять, — сказал Давид.

— Всего хорошего, господа, — сказал один из посетителей, и они вышли.

Мы, радостно переглянувшись, сели и выпили по бокалу вина.

— Всё, — сказал Давид. — Дело сделано. Когда караван вернётся, к нам в Бристоль будет устроено паломничество.

Через полчаса к нам пришёл ещё один купец, и через час караван имел в своём предполагаемом составе новый корабль — «Святой Георг».

— Пять купцов! — радовался слегка опьяневший Давид. — Есть, есть двадцать пять тысяч дохода!

— Ещё лет десять назад, — задумчиво сказал Стоун, — это были сумасшедшие деньги. А сегодня...

— Слишком много становится богатых людей! — то ли с негодованием, то ли с восторгом воскликнул Давид. — Обесцениваются деньги!

— Теперь напьёмся, — азартно пообещал Оллиройс.

Но от кутежа нам пришлось воздержаться ещё некоторое время. Заявился новый посетитель, — владелец корабля под названием «Бомбей».

— Тут уже был, — мрачно сообщил ему я, — один хозяин «Бомбея».

— Это мой двоюродный брат, — торопливо пояснил визитёр. — Он имеет лишь пятнадцать процентов в пае, следовательно, решений принимать не может. Решения принимаю я!

— Наши условия, — начал было Давид, но визитёр не дал ему договорить.

— Я хорошо осведомлён об условиях, — заявил он, — и со всеми согласен. Когда можно прийти в банковский дом?

— Завтра, после обеда, — сказал Давид. — В три часа.

— Был очень рад, джентльмены, — сказал купец, откланиваясь. — Очень рад. До завтра. До встречи.

В эту ночь я засыпал совершенно счастливым человеком. В полудрёме передо мной светилась тёплая улыбка ожидающей меня дома Эвелин.

ГЛАВА II ТАВЕРНА АЛИС

Вот так, в две недели, соткался из воздуха и был взят к воплощению дикий, фантастический замысел (да благоволит Бог моего друга Давида и его мудрую еврейскую голову). Мы убедили здравомыслящих, взрослых людей снять со своих кораблей пушки, удалив всю защиту, с тем, чтобы максимально загрузить товаром и неторопливо пройти мимо испанцев, французов, малабарцев, каперов с патентами на грабёж и беспатентных пиратов! И гарантией успешности этого безумия был мой одинокий волшебный купленный за чёрный жемчуг «Дукат».

ПОХОД

Стоун подготовился к плаванью в самое короткое время. Прохладным, пронизанным серым туманом утром мы спустились по реке из гавани в Бристольский залив. Энди назначил здесь место сбора нашей маленькой эскадры. Выйдя на бак «Дуката», я окинул взглядом дружно лежащиеся в галс корабли. Первой заходила за корму «Дуката» старая знакомая «Африка», за ней, словно привязанный, двигался «Форт». Далее следовали «Святой Георг» и «Бомбей». Европейские компаньоны на кораблях «Ланселот», «Олимпия», «Голд груп» и «Итальяола»

должны были присоединиться к каравану после Ла-Манша, следовательно, здесь, в Бристольском заливе, за нами должны были следовать только четыре вымпела, но моему взору предстали пять. Я удивлённо посмотрел на Давида.

— В самый последний момент, — довольным голосом пояснил он, — владелец ещё одного корабля внёс пай в предприятие.

— Хорошее название у этого корабля, — добавил подошедший к нам Стоун.

— Да? — спросил я его, поднося к глазу подозрную трубу. — И какое?

— «Фортуна».

— Значит, — повернулся я к ним, опуская трубу, — теперь в караване — ровно десять?

— Десять, — не скрывая удовольствия, подтвердил Стоун. — Круглое число.

— Ну что же, — сказал я, протягивая ему для прощания руку. — «Ауспиция сунт фауста».

— Что-что? — переспросил он, отвечая на рукопожатие.

— Это латынь, Энди, — пояснил Давид. — «Предзнаменования благоприятны».

Он подошёл, также попрощался — и протянул Стоуну какой-то свиток с большой алой печатью.

— Патент, — хитро прищурившись, сказал он. — При встрече с нашим доблестным флотом можешь поднять на «Дукате» военный английский флаг и не останавливаться для осмотра. А также и при встрече с пиратами, чтоб им было страшнее.

— Для пиратов у нас есть что поднять, — сурово произнёс Энди.

— Ты что имеешь в виду?

— Альый кливер.

Давид обнял его, передал патент, и мы спустились в ожидающую нас шлюпку.

Шлюпка отплыла к берегу, на кромке которого виднелись заранее прибывшие из города экипажи. Вдруг мгlistый, холодный воздух распорол пушечный выстрел. Я оглянулся. Тотчас ударил новый выстрел, а следом — ещё два. «Дукат», с кормой, окутанной пушечным дымом, быстро скользил в открытый океан. За ним, безупречно соблюдая дистанцию, двигались остальные корабли каравана.

— Словно военная эскадра, — вслух сказал я, и сердце моё на миг сжалось от острой зависти к уходящим в плавание матросам.

— Да, — немного помолчав, ответил Давид. — Энди был весьма строг, когда растолковывал капитанам, как держать корабли при манёврах.

На вёслах у нас сидели четверо — из команды «Форта». (Перед отплытием я обратился ко всем нашим матросам с предложением остаться, если кто пожелает, на берегу.) Мне нужны были люди, чтобы восстанавливать замок, — из тех, кто в изрядном возрасте, кто устал от морских походов, и кто имеет большую семью. Я обещал наделить этих помощников земельным участком в новом имении, и признаюсь — предполагал, что согласятся десятка полтора человек. Но в шлюпке вместе со мной и Давидом плыли лишь четверо. «Что ж, — мысленно говорил я себе. — Придётся искать работников в порту. Вот только как определить — толковый человек или не очень? Времени-то нет!»

Но работники — крепкие, мастеровые! — вскоре у меня появились, изрядной компанией и неожиданно.